

Александра Чабан (Москва)

**К вопросу о репрезентации Вяч. Иванова
в модернистской критике 1900 — начале
1910-х гг.: рецензия Н. С. Гумилева
на первый том «Cor Ardens»¹**

Alexandra Chaban (Moscow)

**On the Question of Vyach. Ivanov's
Representation in Modernist Criticism of the
1900s–early 1910s: N. S. Gumilev's Review of
the First Volume of *Cor Ardens***

Резюме. В статье рассматривается рецензия Н. С. Гумилева на первый том книги стихов Вяч. Иванова «Cor Ardens», приводится широкий контекст отзывов других модернистских критиков (В. Я. Брюсов, А. Белый, А. А. Блок, И. Ф. Анненский). Выявляются общие для всех критиков, включая Гумилева, тематические доминанты, по которым формируется репрезентация Вяч. Иванова в литературной среде конца 1900 — начала 1910 гг.

Ключевые слова. Русская литературная критика, символизм, модернизм, Гумилев, Вяч. Иванов.

Abstract. The article investigates the first review by N. Gumilev on the Vyach. Ivanov's poetry (first chapter of the book of poems *Cor Ardens*) in context of another modernists reviews (by V. Bryusov, A. Bely, A. Blok and I. Annensky). The article identifies thematic dominants, which are common to all critics (including Gumilev), according to which was forming the representation of Vyach. Ivanov the literary sphere of the late 1900s and early 1910s.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 19-78-10012 «Писатель — критика — читатель: (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX—XX веков)».

«Cor Ardens», уточняя при этом особенности эволюции критических взглядов Гумилева, а также истоки его суждений, связанные не только с литературно-стратегическими причинами, но и с влиянием ближайшего литературного контекста. Для этого сосредоточимся на первой рецензии Гумилева на Иванова⁵, — отзыве на первый том «Cor Ardens»⁶ (Аполлон. 1911. № 7).

Попробуем сопоставить гумилевские отклики с предшествующими отзывами литераторов-символистов⁷ и выявить сходство и различие оценок в названных текстах.

Высказанная впервые в рецензии на «Кормчие звезды» (1903) позиция Брюсова, вполне одобрительная и дипломатичная на первый взгляд, содержала множество нюансов. Иванов, по мысли автора, являет собой яркий пример поэта-мастера. Рецензент обращает внимание на всестороннюю эрудицию Иванова, широту тематики его стихов, разнообразие словаря, однако главным препятствием, лежащим между автором и аудиторией, критик считает усложненность поэтического словаря⁸. Подроб-

⁵ За весь период критической деятельности Гумилева вышло четыре обзора книг стихов Иванова: отклики на первый и второй том «Cor Ardens» (Аполлон. 1911. № 7 и 1912. № 6) и две рецензии на «Нежную тайну» (Гиперборей. 1913. № 4 и Аполлон. 1913. № 3). Рецензия на первый том «Cor Ardens» открывала ряд печатных откликов на новую книгу Иванова. Почти одновременно на первый и второй том «Cor Ardens» выпустил отзывы Брюсов (Русская мысль. 1911. № 7 и 1912. № 7). Немного позже появились статьи Г. И. Чулкова «Поэт — кормщик» (Аполлон. 1911. № 10), М. А. Кузмина (Труды и дни. 1912. № 1) и В. Ф. Ходасевича («Русская поэзия. Обзор». Альманах книгоиздательства «Альциона». Кн. I. 1914).

⁶ Первый том состоял из трех книг: «Cor Ardens» («Пламенеющее сердце»), «Speculum speculorum» («Зеркало зеркал») и «Эрос». Вся книга стихов была посвящена умершей в 1907 г. жене Иванова, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, и являла собой мистическое открытие о смерти и возрождении души. Подробнее об этом см.: [Минц 1982; Обатнин 2000; Сегал-Рудник 2016].

⁷ Отзывы Брюсова на «Кормчие звезды» (Новый путь. 1903. № 3) и А. А. Блока на вторую книгу стихов Иванова «Прозрачность» (Новый путь. 1904. № 7), очерк Блока «Творчество Вячеслава Иванова» (Вопросы жизни. 1905. № 4—5), фрагмент об Иванове в статье И. Ф. Анненского «О современном лиризме» (Аполлон. 1909. № 1) и эссе А. Белого «Вячеслав Иванов. Силуэт» (Утро России. 1910. 12 октября).

⁸ Спустя десятилетие в очерке «Вячеслав Иванович Иванов» (1912) Брюсов будет отмечать в поэтике Иванова те же особенности: Иванов является «поэтом

Если бы я не знал, кто стоял предо мной, я бы сказал: это — старый чу-
дак-профессор из захолустного немецкого городка <...> странно было видеть
облик немецкого профессора в обществе юных революционеров искусства <...>
дыхание лирики Новалиса и старого романтизма струится из-под маски учено-
го профессора филологии [Белый 2012: 353].

Создавая мифологизированный образ Иванова, Белый вы-
страивает иерархию поэтов, вписывая мэтра петербургских сим-
волистов в ряд наиболее значимых мастеров слова первого десяти-
летия XX в.: «<...> если Бальмонт — корифей русского символизма,
Брюсов — полководец, завоеватель, Блок — сновидец, то Вячеслав
Иванов — кабинетный затворник и исповедник» [Белый 2012:
352]. Однако рассуждения Белого о месте Иванова в литератур-
ном пантеоне также не лишены иронии. Критик подчеркивает,
что Иванов продолжает традиции не русской поэзии в целом,
а только XVIII в., т. е. более «архаичного» периода, приближенно-
го скорее к Г. Р. Державину, чем к А. С. Пушкину: «Он не Тредья-
ковский им созданного русла поэзии; он — Державин этого русла,
а там, где возник Державин, там есть уже и Пушкин — в потенции;
подождем — увидим» [Белый 2012: 353].

Если задача Белого заключалась в создании культурно-
психологического портрета поэта, то Анненский сосредотачивает
свое внимание на его художественном методе.

По мысли критика, Иванов, наряду с Брюсовым, Баль-
монтом и Сологубом, является «именем, символизирующим
вполне сложившийся тип лиризма» [Анненский 1979: 382]. Ан-
ненский вновь изображает Иванова как превосходного, иногда
даже слишком искусного, мастера: «<...> не знаешь даже, чему
более изумляться: точности ли изображения или его колорит-
ту; сжатости ли стихов или их выдержанному стилю» [Аннен-
ский 1979: 332]. Эпитет «обычный», определяющий мастерство
мэтра, обозначает, однако, чрезмерную эмоциональную холод-
ность поэта. По мысли Анненского, равнодушие поэта к своим
персонажам⁹ и предельная сжатость его стиля мешают читате-

⁹ «Сочувствие» и «жалость» являются узловыми категориями в творчестве са-
мого Анненского [см.: Федоров 1990].

Если верно, — а это скорее всего верно, — что пламенно творящий подвиг своей жизни есть поэт, что правдивое повествование о подлинно пройденном мистическом пути есть поэзия, что поэты — Конфуций и Магомет, Сократ и Ницше, то — поэт и Вячеслав Иванов [Гумилев 1991: 82].

Перечень философов (и пророков) далеко не произволен. В нем уже заложены оппозиции «Восток / Запад» и «древность / современность», которые будут развиты в следующей рецензии Гумилева. Вместе с тем Гумилев продолжает тип мифологизации поэтической личности Иванова, начатый младшими символистами, в частности Белым (старый немецкий профессор [см.: Белый 2012: 353]). Заметим, что Ницше, упоминаемый в сопоставительном ряду, был не только философом, но и профессором классической филологии. На образность могли также оказать влияние личные впечатления критика от занятий в «Академии стиха» и литературная маска Иванова в «Аполлоне»: в стилизованной под античный диалог рубрике «Пчелы и осы “Аполлона”» под маской «философа» скрывался Иванов.

Варьируя мнения Блока и Анненского, Гумилев указывает на то, что «филологичность» и идеологичность поэзии Иванова оказываются основной причиной его рационального, интеллектуализированного отношения к собственным образам, ритмам и языку:

Язык... к нему Вячеслав Иванов относится скорее как филолог, чем как поэт. Для него все слова равны, все обороты хороши. <...> Они для него, так же, как и образы, — только одежда идей. <...> Стих... им Вячеслав Иванов владеет в совершенстве; кажется, нет ни одного самого сложного приема, которого бы он не знал. Но он для него не помощник, не золотая радость, а тоже только средство. Не стих окрыляет Вячеслава Иванова, — наоборот, он сам окрыляет свой стих [Гумилев 1991: 82].

Стоит отметить, что Гумилев понимает «равное отношение к словам» несколько иначе, чем Анненский. Если Анненский утверждает, что поэзии Иванова чужда непосредственность и он безразличен к своим героям, то Гумилев настаивает на том, что Иванов равнодушен к языку и стиху и любит исключительно

в композиции отзыва. Сначала критик определяет положение Иванова внутри историко-литературного процесса в соотношении с другими поэтами прошлого и настоящего, затем последовательно рассматривает тематику, образную систему, лексику и ритмические особенности стихотворений.

Если для характеристики книги стихов Иванова Брюсов использует метафоры, подчеркивающие масштаб, «вещественность» и сакральность творений поэта-мистика («книга-храм»), то Гумилев выбирает эпитеты, характеризующие оторванность содержания текстов Иванова от реальной жизни («призрачный»). Согласно наблюдениям Дэвидсон, эпитет «призрачный» отсылает к названию предыдущей книги стихов Иванова «Прозрачность», что в очередной раз актуализирует полемический настрой критика. Иванов полагает, что трансцендентный мир можно увидеть сквозь прозрачный реальный мир; Гумилев рассматривает мистические опыты поэта как «призрачные» манипуляции [см.: Davidson 1994: 58].

Гумилев противопоставляет Иванову как современных поэтов, Брюсова и Блока, так и поэтов-предшественников, Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Как отметила Дэвидсон, этим сопоставлением Гумилев исключает Иванова из собственного литературного пантеона, оставляя из современников лишь Брюсова и Блока [см.: Davidson 1994: 56]. Действительно, с начала 1910-х гг. Гумилев стремится установить новое соотношение сил в литературной среде. Здесь стоит сделать несколько уточнений. Названные поэты для Гумилева находились на вершине поэтической иерархии в модернистской литературе и воплощали две линии ее развития: пушкинскую, где преемником является Брюсов, и лермонтовскую, которой наследует Блок¹¹. Если Брюсов был признанным мэтром московских символистов, то на кандидатуру главы петербургских поэтов-мистиков претендовал Иванов [см.: Богомолов 1994; Богомолов, Кузнецова 1994].

¹¹ Подробнее об этом см. в другой нашей статье: [Чабан 2017].

Их (Пушкина, Лермонтова, Брюсова и Блока. — А. Ч.) герои, их пейзажи — чем жизненнее, тем выше; совершенство образов Вячеслава Иванова зависит от их призрачности. <...> Вот пейзаж Пушкина:

...Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи...

Вот пейзаж Вячеслава Иванова:

Ты помнишь: мачты сонные,
Как в пристанях Лорэна,
Вносились из туманности
Речной голубизны
К эфирной осиянности,
Где лунная сирена
Качала сребролонные,
Немеющие сны.

Как видите, полная противоположность [Гумилев 1991: 82—83].

Ивановский текст критик сопоставляет с «Отрывками из путешествия Онегина». Тенденциозность Гумилева в подборе цитат была замечена Дэвидсон [см.: Davidson 1994: 56]. Соглашаясь с мыслью о предвзятости Гумилева, попробуем, в свою очередь, пояснить возможную мотивацию критика.

Как представляется, Гумилеву было необходимо не только резко противопоставить «земной» и «призрачный» пейзажи (у Пушкина: «косогор», «избушка», «сломанный забор», «серенькие тучи»; у Иванова: «мачты сонные», «туманность речной голубизны», «эфирная осиянность», «сребролонные сны») и подчеркнуть свое неприятие символистской поэтики, но и намекнуть, что Иванов уже начинает перепевать других поэтов. На это обстоятельство обратит внимание и Брюсов в своей рецензии на «Cor Ardens»¹³. Немаловажно и то, что

¹³ Ср.: «Надо признаться, что по временам, в погонях за аллитерациями, Вяч. Иванов заходит слишком далеко и стихи “Пьяный пламень поле пашет, / Жадный жатву жизни жнет...” напоминают уже не Вергилия, а стихи Бальмонта» [Брюсов VI: 311]. Начиная с 1911 г. в «Письмах о русской поэзии» Гумилев будет систематически порицать «бальмонтизмы» [см.: Гумилев 1991: 95].

Далеко за полночь — в дали
Неизведанной земли —
Мы печально провожали
Голубые корабли.
Были странны очертанья
Черных труб и тонких рей...
[Блок I: 46].

Качала сребролонные,
Немеющие сны.
Мы знали ль, что нам чистый серп
В прозрачности Лорэна, —
Гадали ль, что нам ясная
Пророчила звезда?
До утра сладострастная
Нас нежила Сирена,
Завтра ждал глухой ущерб
И пленная страда.
[Вяч. Иванов II: 367].

И у Блока, и у Иванова речь идет о несуществующих кораблях / мачтах, плоде воображения или памяти / воспоминания лирического «я». Заметим, что сирена Блока — это, в первую очередь, звуковой сигнал, который обозначает начало работы на рейде и ее окончание. Таким образом, символ Блока имеет конкретное, земное, значение. И только в переносном смысле «сирена» — это Сирена, демоническое существо, своим прекрасным пением заманивающее людей на гибель. В поэме Блока немзыкальный сигнал превращается в восприятии слышащих его персонажей в музыкальное пение. В тексте Иванова у символа нет конкретного значения, Сирена — лишь та, кто заманивает. Как представляется, для Гумилева подобное различие в поэтическом методе было принципиально важным, поэтому он показывает Блока подлинным поэтом, а Иванова — как поэта не подлинного¹⁶.

Во второй строфе стихотворения Иванова, которую Гумилев не привел в рецензии, текст приобретает характерную для блоковской лирики «второго тома» интонацию разочарования и обманутых ожиданий¹⁷. С наступлением утра прекрасный сон тает, и мечты о потусторонней реальности оборачиваются «глухим ущербом». Отметим, что Иванов здесь, возможно, отсылает к первому изданию «Стихов о Прекрасной Даме» Блока, где третий раздел назы-

¹⁶ Ср. в рецензии Гумилева противопоставление подлинного и ложного: «Их поэзия (Пушкина, Лермонтова, Брюсова, Блока. — А. Ч.) — это озеро, отражающее в себе небо, поэзия Вячеслава Иванова — небо, отраженное в озере» [Гумилев 1991: 82].

¹⁷ Подробнее об этом и о поэме «Ее прибытие» см.: [Минц 1999: 429—443].

о русской поэзии», считая, что желание читателя вернуться к тексту свидетельствует о смысловой глубине стихотворения.

Эта противоречивая точка зрения доказывает не только амбивалентность отношения Гумилева к бывшему учителю, но и зависимость его позиции от символистской критики: двойственность оценки Иванова, как мы показали, была присуща и критикам-символистам. Письмо критика к Чулкову от 15 сентября 1911 г. вновь демонстрирует его неутвердившуюся позицию:

Дорогой Георгий Иванович, разумеется, пишите и присылайте в «Аполлон» статью о «Cor Ardens'e». Мне это будет очень приятно, так как я искренне не верю в свою способность всесторонне осветить такую значительную книгу [Гумилев 2007-8: 161].

Кроме того, финал рецензии на первый том «Cor Ardens» показывает, что точка зрения Гумилева на Иванова находится еще в стадии формирования:

О самом главном в поэзии Вячеслава Иванова, о той золотой лестнице, по которой он ведет очарованного читателя, о содержании я буду говорить, когда выйдет второй том Cor Ardens'a, долженствующий составить одну книгу с первым [Гумилев 1991: 82].

Таким образом, несмотря на ряд довольно дерзких решений (противопоставление Иванова подлинным поэтам, провокационный подбор примеров, характеристика поэтического мира как призрачного), в первом отзыве на «Cor Ardens» прослеживается тесная связь с тематическими доминантами, разработанными критиками-символистами к концу 1900-х гг. Изображая Иванова как «философа», Гумилев продолжает младших символистов (Блок и в большей степени Белый). Поэтический мир автора «Cor Ardens», вслед за Анненским, Брюсовым, Блоком и Белым охарактеризован критиком как мастерски сконструированный, но предельно сложный и рациональный. Как и Брюсов, Гумилев не принимает мистицизма автора. Кроме того, высоко оценивая масштаб поэтической личности Иванова, но смещая его с вершины

Сегал-Рудник 2016 — *Сегал-Рудник Н. М.* Дионисийство как прием: к вопросу о метафизическом хронотопе поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2016. Вып. 2. С. 27—70.

Суханова 2010 — *Суханова И. А.* Отсылки к картинам Клода Лоррена в поэзии Вячеслава Иванова: единицы-носители интермедиальной связи // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 162—165.

Тименчик 1987 — Неизвестные письма Н. С. Гумилева (публикация Р. Д. Тименчика) // Известия АН СССР. 1987. Т. 46. № 1. С. 50—78.

Тименчик 2017 — *Тименчик Р. Д.* Подземные классики: Иннокентий Анненский, Николай Гумилев. М., 2017.

Федоров 1990 — *Федоров А. В.* Иннокентий Анненский — лирик и драматург // Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 5—50.

Чабан 2017 — *Чабан А. А.* Лермонтов vs Пушкин: О «поэтической генеалогии» А. Блока в критике Н. Гумилева // Матица српска. 2017. Т. 92. С. 461—472.

Шишкин 1999 — *Шишкин А. Б.* Вяч. Иванов и сонет Серебряного века // *Europa Orientalis*, 1999. Т. XVIII. № 1—2. С. 221—270.

Davidson 1994 — *Davidson P.* Gumilev's Reviews of Viacheslav Ivanov's *Cor Ardens*: Criticism as a Tool in the Politics of Literary Succession // *Wigzell F. Ed. Russian Writers on Russian Writers.* Oxford & Providence USA, 1994. P. 51—64.

Doherty 1992 — *Doherty J. F.* Nikolai Gumilev and the Propagation of Acmeism: "Letters on Russian Poetry" // *Irish Slavonic Studies.* 1992. Vol. 13. P. 113—130.

Сведения об авторе: Александра Александровна Чабан, к.ф.н., PhD, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», научный сотрудник; Москва, Россия; e-mail: achaban@list.ru

About the author: Alexandra A. Chaban, PhD, National Research University Higher School of Economics, research fellow; Moscow, Russia; e-mail: achaban@list.ru